

АЛЕКСАНДР ДОМОГАРОВ:

Культура, -1999. - 8-14 июля. - с.8

Главное – удержаться в седле

Съемочную группу польского фильма «Огнем и мечом» охватила паника. Найти исполнителя на главную роль оказалось сложным делом. Поиски среди своих не дали нужных результатов, и тогда были посланы гонцы в Киев и Москву. Выбор пал на Александра ДОМОГАРОВА, и в его московской квартире раздался звонок: «Здравствуйте, это Ежи Гофман».

— Я только в Варшаве узнал, как это все происходило. У Гофмана была жена Валентина, к сожалению, ей не суждено было дожить до премьеры. Она всегда направляла его бьющую через край энергию в нужное русло. Она-то и решила мою судьбу. После просмотра касеты сказала: «Да, это он!»

— Ну а пробы были?

— Я бы так не сказал. Мы пришли в павильон. Стоят две камеры. Мне дали текст. Гофман говорит: «Ну, давай, старый, играй». Как будто мы с ним расстались 5 минут назад. Не досмотрев до конца, бросил через плечо: «Всё», — и вышел. Что это означало, я понял лишь, когда меня утвердили на роль, а через 10 дней в Москву пришел официальный запрос на артиста. Но эти пробы ничто по сравнению с теми, что мне

устроил Марк Залеский, который ведал всеми конными делами. У него свой ипподром, а в его конюшне около ста лошадей.

— Разве для вас это проблема? Ведь и гардемарины Паша Горин, и граф де Бюсси прекрасно держались в седле?

— Так-то оно так, но когда я приехал на место съемок, Марк встретил меня вопросом: «Ты на лошади ездил?» Я ответил: «Да». И в следующую минуту пожалел об этом, потому что мне вывели такое чудо! Черный как смоль, уши прижаты, англо-арабской породы и кличка соответствующая «Дамар». Я в лошадях разбираюсь, поэтому сам себе сказал: «Главное — удержаться в седле».

— Почему же не отказались?

— Любопытно стало: смогу ли? И

вот мы тронулись. Впереди четыре машины с камерами, за мной Марк в сопровождении еще троих всадников. Спокойно двигаемся дальше, и вдруг он издает боевой клич. Я опомниться не успел, слышу только свист в ушах и вижу, как обгоняю Залеского, потому что подо мной не конь, а вихрь, я его сдерживать не могу. Как перед стогом сена затормозил, до сих пор не пойму. Марк подъехал, крикнул: «Всадников на поле!». За моей спиной выстраиваются 50 голов, а он с усмешкой: «Ты атаман, ты и веда, все твои». Мы еще с полчаса галопом гарцевали. Когда я наконец слез с лошади, меня всего колотило, ноги не разгибались, он молча налил мне стакан водки, которая у него была припасена в багажнике машины: дескать, наш человек.

— Вы знали, что Гофман учился во ВГИКе у С.Кулиша? Вы смотрели его «Знахаря», «Пана Володьевского»?

— Я видел в детстве «Потоп». Рядом с домом был кинотеатр, и мы пацанами бегали туда, смотрели фильм по нескольку раз. Особенно мне нравился момент, когда Оль-

брыхский подтягивался на одной руке и закладывал в пушку порох.

— Ваш герой — человек реальный?

— Конечно. Иван Богун — казачий атаман, подполковник, который сначала служил полякам, а потом перешел на сторону Украины. Хмельницкого играл Богдан Ступка. Он рассказывал, что на Украине о Богуне ходят легенды, песни сложены. Этот человек славился тем, что из всех сражений выводил свою сотню. Однако Гофман подчеркивал, что снимает историю любви на фоне войны. В фильме действительно есть любовный треугольник, и мой герой, не желая уступать, идет на крайние меры. Он спалил город, увез любимую и спрятал ее в горах.

— Для вас были созданы специальные условия?

— Куда бы мы ни приезжали, у нас были лучшие гостиницы, лучшее питание, у каждого свой трейлер, холодильник, полный еды, телевизор, видео. Стоило только уйти с площадки, как тут же подбегал мальчик: «Есть будете? Что хотите: кофе, чай, сок?» Помню, я протянул руку, а в нее уже вложили зажженную сигарету. Я первый раз снимался в заграничном фильме, для меня все было в диковинку.

— Вы говорили по-польски?

— Я честно пытался его выучить, но в результате вызубрил тексты с диктофона.

— У вас не было дублера для опасных случаев?

— Все трюки я выполнял сам, но на картине работала специально приглашенная с Украины группа каскадеров. Что они творили с лошадьми, какие батальные сцены были сняты — это просто на грани фантастики. Мне рассказали, что Богун на полном скаку, завалившись в седле, висая в стремени, у себя над головой, работая двумя мечами, прокладывал дорогу. С идеей этого трюка я пришел к каскадерам. Они говорят: «Ты только завал сделай, остальное сработаем мы». Гофман даже слушать не стал, потом все же назначил день съемок, а в результате, свалив все на отсутствие солнца, так и не дал сделать этот трюк. Сейчас вот думаю: может быть, он испугался из-за моей ноги?

— А что с ногой?

— Дома, подвернув ногу, я умудрился засадить в пятку три занозы. Первое время в Познани каждое утро ходил в больницу, потом мне сделали операцию под наркозом, наложили гипс. Передвигаться можно было только на костылях. Для меня специально соорудили широкое стремя, камеры старались

расположить так, чтобы снимать с одной стороны. Но перед съемкой я отвлекал внимание, снимал гипс, залезал в сапог, боль дикая, Залеский ругался: «Ты шальной, ты идиот!» — однако с лошади меня стаскивать никто не решался.

— Какова прокатная судьба картины?

— В Польше за 10 дней ее посмотрели полтора миллиона человек. Фильм повезут в Америку — Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Чикаго, где польская диаспора насчитывает 600 тысяч человек, в Канне был внеконкурсный показ. Картину хотят выставить на «Оскара». Идет поиск тех, кто мог бы в России заняться прокатом. В Киеве премьера назначена на сентябрь.

— Говорят, вы не тратили время зря и умудрились, пока были в Польше, сняться еще в одном фильме?

— Картина называется «На краю света». Начало века, Маньчжурия, польские эмигранты встречаются русского художника — это мой герой. Режиссер Магда Лазаркевич. Кстати, ее сестра Агнешка Холланд сняла с Дикаприо фильм «Полное затмение», а муж Петр снимает крепкое, почти американское по монтажу и экшену кино. Магда увидела меня по телевизору и приехала на съемки в Познань. Попала на пресс-конференцию. Журналисты суеются, камеры щелкают, вдруг меня вызывают по сотовому, который работает на громкой связи, и весь зал слышит, как Гофман кричит: «Старый, не смей соглашаться!» Я не могу найти кнопку, чтобы отключить звук, а он продолжает ругаться. Потом он прочел сценарий, успокоился и сказал, что если после той нагрузки, которая была в его фильме, у меня хватит сил, тогда он дает добро. Гофман — добрейший, трогательный и искренний человек, на него невозможно обижаться. Он мог выйти из себя, наорать, но тут же остыть, подойти и обнять. Он мне напоминал моего отца. Отец видел только моего Раскольникова в дипломном спектакле, жаль, что не дожил до этих дней.

— Вам бы хотелось снова стать героем Достоевского?

— У меня сейчас есть Нижинский. Это почти то же самое.

— Саша, вы хорошо играете на фортепиано, среди ваших персонажей музыкантов не было?

— Пока нет, но если Гофман осуществит свою мечту и снимет фильм о Шопене, то все может быть.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО